

А.В. Шунков

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
Кемеровский государственный университет*

**Литературная природа документальных текстов XVII века
(«Урядник сокольничья пути»)**

Аннотация: В статье на примере церемониального текста середины XVII века рассматривается динамика представлений о мироздании и их воплощение в особой жанровой форме русской литературы – описания проведения церемониалов («чины»). Статья актуализирует проблему изучения соотношения и взаимовлияния художественных и документальных текстов русской литературы Переходного периода.

Using a ceremonial text of the middle of the 17th century as an example, the present paper considers the dynamics of insights into the universe and their embodiment in the form of a special genre of Russian literature – the description of conducting a ceremonial. The article updates the problem of studying the correlation and reciprocal influence of documentary and belles-lettres texts of the Russian literature in the Transition period.

Ключевые слова: русская литература переходного периода, документальный текст XVII века, литература и документ.

Russian literary text of the Transition period, the documentary text of the XVII century, literature and document.

УДК: 821.161.1

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, кафедра русской литературы и фольклора. Тел. (3842) 733064. E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

«Книга, глаголемая урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути» (1656) – особое произведение в силу своей жанровой природы. Перед нами образец текста, имевшего статус государственного документа¹. Данный документ, с одной стороны, регламентировал процедуру избрания начального сокольника

¹ О государственной значимости соколиной охоты говорят такие исторические факты, зафиксированные как в письмах царя Алексея Михайловича, так и в документах приказа тайных дел, личной канцелярии царя, ведавшей в том числе и вопросами, связанными с организацией соколиной охоты, содержанием штата сокольников и др. Так, например, сохранился документ, датированный 1652 г. и содержащий описание наказания за отказ от участия в царской соколиной охоте (РГАДА, ф. 27, оп. 1, № 53, л.1). Памятник впервые был опубликован В.И. Ламанским во 2-м томе «Записок отделения русской и Славянской Археологии» (СПб., 1861, с. 351). Представляет собой грамоту, сохранившую редакторскую правку Алексея Михайловича. В грамоте Алексей Михайлович дает хозяйственные распоряжения сокольнику Леонтию Григорову и одновременно сообщает о мере наказания, вынесенного за провинности другому сокольнику Борису Бабину. «I мы велели ево бить батоги нещадно і выкинуть іс сокольничья чину. ... И вам бы ему Бориске и беспутной ево дурости не поревновать и нам великому государю наіпаче прежнего простиратца и служить».

(главного распорядителя царской соколиной охоты), а с другой – перед нами образец литературного сочинения, с ярко представленной авторской точкой зрения в вопросах понимания основ мироустройства, выраженных с помощью художественных приемов.

На сегодняшний день данный памятник исследован достаточно хорошо. «Урядник сокольничья пути» впервые был опубликован Н.И. Новиковым в «Древней российской вифлиофике» [Новиков, 1773, с. 399–447; Новиков, 1788, с. 430–463] и с этого времени постоянно находится в поле внимания историков, текстологов, литературоведов, искусствоведов, и интерес к нему сохраняется и сегодня. Книга рассматривается в качестве предпосылки возникновения русского театра [Первые пьесы..., 1972], а также упоминается в контексте вопросов становления в России художественно-эстетической теории [Бычков, 1996, с. 15–46; 345–352].

Однако можно выделить еще один аспект восприятия и оценки книги – это текст, в который его составитель (редактор) наряду с сугубо практической, деловой предназначенностью привнес свое особое понимание мироустройства, но покал это не декларативно, а используя церемониальные формы. Стоит учесть тот факт, что книга датируется 1656 годом, т.е. создается в эпоху, когда в России происходят важные события как внутренней, так и внешней политики: церковная реформа 1653–1655 гг., вхождение Украины в состав России 1653 г., начало войны с Речью Посполитой (1654–1667 гг.).

События политической жизни России середины XVII века отражают государственную идеологию, которая утверждается в эпоху правления Алексея Михайловича – создание нового православного государства, правопреемника Византийской империи, укрепления авторитета Москвы как вселенского оплота православия. «Москва утвердилась в своем качестве православной столицы, и на этом этапе концепция Москвы – третьего Рима получает не теократический, а политический смысл. Это предполагает отказ от культурного изоляционизма и возвращение к идее вселенской православной империи. Соответственно, вновь делается актуальным византийское культурное наследие. Алексей Михайлович стремится в принципе к возрождению Византийской империи с центром в Москве как вселенской монархии, объединяющей в единую державу всех православных. Русский царь должен теперь не только занимать место византийского императора, но и стать им» [Успенский, 1996, с. 222–223].

Нельзя сказать, что данный текст являет собой некий политический программный документ, напрямую определяет позицию монарха в каких-либо вопросах политики. Но в то же время тот факт, что сам Алексей Михайлович выступал в роли редактора нового варианта чина избрания начального сокольника, позволяет видеть в нем сочинение, занимавшее не последнее место в государственной деятельности царя. Высказанное суждение может быть принято априори в силу имеющихся других документальных подтверждений активного обращения Алексея Михайловича в своей «писательской» практике к обсуждению вопросов понимания государственного мироустройства. Примерами могут служить послания и грамоты Алексея Михайловича, адресованные ближайшему окружению¹.

Для царя Алексея Михайловича не существовало разграничения дел на сугубо личные и государственные, все одинаково важно, если затрагивает интересы государя. В этой связи вполне закономерным и оправданным является факт учреждения особого государственного органа, созданного по инициативе царя предположительно около 1653 года – Приказа тайных дел [Гурлянд, 1902], личной

¹ См., например, издание грамот и писем царя, представленных в изданиях [Собрание писем царя Алексея Михайловича, 1856, с. 11–86; Записки отделения русской и славянской археологии, 1861, т. 2; Сборник Муханова, 1866, с. 213–225; Письма русских государей..., 1896, т. V.] и др.

канцелярии Алексея Михайловича. После смерти монарха его сын и наследник престола Федор Алексеевич в 1676 году приказ Тайных дел расформирует. Одной из задач, которая была поставлена перед дьяками и подьячими приказа, – это ежедневная фиксация событий из жизни государя. Итогом этой работы, как известно, стало появление особого документального книжного текста – «Дневальные записки Приказа тайных дел» [Белокуров, 1908], позволяющие реконструировать ежедневные события из жизни монарха на протяжении 18 лет.

«Урядник сокольничья пути» по этой причине может быть рассмотрен как пример текста, раскрывающего некоторые стороны мировоззрения царя, более всего ценившего порядок во всем. «И по ево государеву указу никакой бы вещи безъ благочинія и безъ устроения уряженана и удивительнаго не было; и чтобы всякой вещи честь и чинъ и образец // писаниемъ предложенъ былъ, по тому: хотя мала вещь, а будеть по чину честна, мърна, стройна, благочинна» (л. 3 – л. 3 об.)¹. В то же время памятник значим и в историко-литературном контексте XVII века, его Переходногоприода, так как позволяет на примере книжно-документальных текстов рассмотреть проявление личностного сознания, показать сам процесс формирования новой светской литературы из деловой письменности.

Уже в предисловии к «Уряднику» его составитель через описание начальной стадии подготовки церемониала дает толкование, что есть такое порядок и в чем заключается его значимость для мироустройства в целом. «А честь и чинъ и образецъ всякой вещи большой и малой учиненъ по тому: Чинъ укрепляетъ и утверждаетъ крепость, урядство же ... уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе» (л. 4 об. – л. 5). Каждая вещь, с позиции автора «Урядника», – это составная часть большого и разумного действия – «чина», где каждому отведено определенное место. Именно подобное «устройство», «уложение» – залог гармонии и красоты всего миропорядка.

При внимательном прочтении небольшой по объему вступительной части «Урядника» нельзя не обратить внимание на те лексические единицы, которыми составитель дает понять, насколько значима идея порядка, воплощаемая в каждой детали или предмете. Если вычленив эти лексические единицы из текста вступительной части и объединить их в синонимические ряды, то получится следующая картина: **ряд** (урядник – уряжение – наряд – урядство), **строй** (устроение – стройный – стройство – бесстройство), **мера** (мерный – меряние); **честь** – **часть** – **час** – **чин**. В свое время П. Бессонов увидел в них желание составителя продемонстрировать свое понимание красоты. «Важен общий смысл показанных слов: именно все они заключают в себе, по корням, элементарные представления красоты; ими хотели выразить, какие средства доставляют вещи красоту, или высказать полное определение красоты...» [Бессонов, 1856, с. 126, 130–133].

Не отвергая высказанное в свое время наблюдение П. Бессонова, добавим только то, что приведенный пример наглядно демонстрирует важность для составителя чина идеи упорядоченности и гармонии, воплощаемой в предстоящем действе. Красоту он видит, прежде всего, в упорядоченности мироздания. Красота здесь должна пониматься не только в материальном ее воплощении, но и умозрительном. «Что всякой вещи потреба? Мъряніе, сличіе, составленіе; по томъ въ ней или около ея: благочиніе, устроение, уряженіе. // Всякая же вещь безъ добрыя мъры и иныхъ вышешписанныхъ вещей бездълна есть и не можетъ составиться и укрѣпиться» (л. 7 – л. 7 об).

Таким образом, вводная глава, содержащая общие размышления о понимании основ миропорядка, в дальнейшем будет конкретизирована по ходу проведения всего церемониала. На примере единичного придворного церемониала одновременно демонстрируется незыблемость мироустройства, где гарантом стабиль-

¹ Текст цитируется по рукописному подлиннику: РГАДА, ф. 27, оп. 1, № 52/1.

ности является воля государя. «Л. 16. *Прилогъ книжный, или свой*¹. Сія притча душевне и телеснее // л. 16 об. правды же и суда и милостивыя любве и ратного строя николѣ не позабывайте: делу время и потехе часъ».

Однако ценность вступительной части может быть оценена и с позиции историко-литературной. Условно называемая вводная глава может быть рассмотрена именно как литературное предисловие к документальному тексту. Подобная традиция оформления документа, как показано в ряде исследований отечественных ученых [Ромодановская, 2011, с. 6–16], широко была распространена в XVII столетии. «Урядник сокольничья пути» не является исключением, а наоборот, органично вписывается в существовавшую традицию «литературных предисловий к документам» [Там же, с. 7] и интересующем нас вопросе – составления предисловий к «чинам». Наиболее известным примером является предисловие к «Чину венчания на царство», рассмотренном в статье Е.К. Ромодановской [Там же, с. 11–14]. Также ценные наблюдения о роли предисловия в общей композиции текста представлены в монографии Л.А. Черной [Черная, 1996, с. 157–159].

Алексей Михайлович, редактируя предисловие к новому варианту чина избрания начального сокольника, использует известные стилистические приемы, уместные в данном случае. Во-первых, изначально создается ситуация беседы с читателем книги. После небольшого вступительного фрагмента, которым открывается предисловие, объясняющего цель составления «чина», автор напрямую обращается к потенциальным читателям: «Всякій же читателю почитай, и разумѣвай, и узнавай, а насъ слагателя похваляй, а не осуждай (Л. 6 об.)». Обращение к читателям сохраняется как на протяжении всей части предисловия («паче же почитайте сію книгу, красныя и славныя охоты, прилежныя и премудрыя охотники. ... Аще съ разумом прочтете, найдете всякого утѣшнаго добра (Лл. 8–8 об.)», так и в его завершении («...правды же и суда и милостивыя любве и ратного строя николиже позабывайте (л. 16 об.)»).

Сохраняется и такой прием, распространенный в традиции предисловий, как упоминание себя в первом лице («молю и прошу васъ... (л. 9)»), использование риторических восклицаний («О славныя мои совѣтники, и достовѣрныя и премудрыя охотник! (л. 15 об.)»).

Но предисловие «Урядника» имеет одну характерную черту. С одной стороны, как того требовала традиция составления предисловий к документу, оно призвано «усилить действие и значение документа» [Ромодановская, 2011, с. 16], а с другой – обладает литературной функцией², демонстрирует эстетическое значение предмета изображения в церемониале – соколиной охоты. И что еще важно – предисловие «Урядника» дает возможность увидеть новую схему восприятия текста, сменившую средневековую «книга – читатель». В привычной для Средневековья парадигме восприятия текста теперь заметна роль реального автора, высказывающего свое понимание созданного текста.

Последующие практические части («Статьи до государева пришествия» и «Статьи после государева пришествия», включающие 12 разделов) уже конкретизируют идеи, высказанные в самом начале. Надо отметить, что как отдельная

¹ В тексте самой рукописи выделенные курсивом слова написаны рукою царя.

² В упоминавшейся уже статье Е.К. Ромодановской автор приводит наблюдение Л.Я. Гинзбург, в котором приводится условие, при котором документ может приобрести художественное значение. Таковым условием как раз и является эстетическая функция. Во всех остальных случаях предисловия к документальным текстам не обретают литературного значения. «Урядник сокольничья пути» в этом отношении выглядит исключением из общего правила, поскольку вступительная часть наряду с практическим предназначением обладает и эмоционально-эстетическим началом, о чем уже неоднократно было отмечено в исследованиях.

часть «Урядника», так и весь текст в целом органично вписывается в общекультурный традиционалистский контекст понимания порядка (синоним к титулярному слову «тишина», символизировавшая «благоустроенное и благоденствующее государство» [Панченко, 2000, с. 17–21]) как основы государственности. Убедиться в этом возможно, обратившись к двум частям самого чина, где детально оговорены детали как подготовительного этапа проведения церемониала, так и основного действия – избрание начального сокольника.

В первую очередь обращает на себя внимание в описании церемониала – это яркость и богатство предметно-вещного мира. Здесь чин поставления в начальные сокольники действительно предвосхищает первые театральные пьесы, которые появятся в России в начале 70-х годов XVII века. Декорации будущих первых пьес, автором которых был Симеон Полоцкий, как известно, также отличались своей пышностью и яркостью материалов, использовавшихся для костюмов актеров и обустройства самой «комедийной храмины». Символичным в данной ситуации является то, каким словом была названа постройка для первых спектаклей. «Храмина» (как русский лексический вариант с полногласием – «хоромина») одного корня со словом храм, однако здесь нельзя не заметить разных семантических оттенков. Думается, это прекрасно понимал и сам главный устроитель «комидий», выбрав для названия «избы» слово, тяготеющее к бытовому пространству – хоромина. Однако при этом внутренний интерьер «комедийной храмины» нисколько не уступал убранству храма по красоте и богатству, о чем свидетельствуют документальные источники¹. Равно как и поведение главного зрителя первых пьес – царя Алексея Михайловича – было тождественно поведению в храме («он не решался покинуть театр, ибо привык к тому, что нельзя покинуть храм» [Панченко, 2000, с. 75]). К этому можно добавить еще пару известных культурно-исторических фактов, связанных с премьерой «Артаксерского действия» 17 октября 1672 года в селе Преображенском: перед тем, как пойти на новое зрелище Алексей Михайлович посещает духовника, а после десятичасового просмотра спектакля отправился в баню, дабы очистится от греха.

Приемы создания «сценического» пространства, использовавшиеся в театре Алексея Михайловича, никак нельзя назвать бутафорией. Предметы, использовавшиеся в церемониале (как позже и в пьесах Симеона Полоцкого) придавали парадность и торжественность разыгрываемой ситуации, укрепляли авторитет царя как фигуры, олицетворяющей закон и справедливость. «Государь, царь и великий князь, Алексій Михайловичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, указал быть новому сему образцу и чину ...» (л. 2). «Кому государь укажетъ быть въ начальныхъ сокольникахъ, //... тово государь и пожалуетъ. Л. 17 об. – 18».

Стремление показать гармоничный, идеальный миропорядок достигается не только внешними декоративными приемами, но и приемами, организующими само сценическое действие, его динамику. Общее наблюдение по этому поводу, которое звучит в исследованиях «Урядника» сводится к тому, что составитель церемониала намеренно стремился использовать приемы ретардации, замедляющей ход представления, что давало возможность созерцать красоту мира, создаваемого в процессе церемониального действия.

«Структура всякого государственного церемониала времен абсолютизма представляла собой разработанное до мельчайших деталей, развивающееся в виде определенного сюжета, торжественное искусственно замедленное действие («действие»). Это действие состояло из многоступенчатого повторения того «волевого» импульса, который исходил от царя, затем в строгой иерархической последовательности передавался от исполнителя к исполнителю, и снова в такой же последовательности, уже в реализованной форме, возвращался к царю. Церемони-

¹ Подробнее об этом см.: [Робинсон, 1972, с. 15–16].

ал становился организующей формой развития придворной культуры. Он требовал своих устойчивых идей, ритуальных жестов и принятых формул словесного выражения» [Первые пьесы..., с. 81]. Позволим себе предположить, что при создании данного светского церемониала вполне могли быть использованы в качестве образца как некоторые церковные чины, так и обряды фольклорного происхождения¹. Подобное суждение вполне может быть принято, тем более что ранее Н.В. Поньрко в своей работе о русских святках [Поньрко, 1977, с. 84–99] показала взаимосвязь двух обрядовых традиций на Руси XVII века. «Народная обрядность святок во многом была продолжением церковной обрядности или ее травестий» [Поньрко, 1977, с. 85].

В свое время Ю.М. Лотман, характеризуя особенности организации разных моделей текста, обратил внимание на церковно-обрядовый текст: «Церковно-культурный текст очень часто строится по принципу многоярусной семантики. В этом случае одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания. Причем значения, которые доступны данному читателю в соответствии с его уровнем святости, посвященности, «книжности» и т.д., недоступны другому, еще не достигшему этой степени» [Лотман, 1998, с. 75–76]. Приведенное наблюдение вполне применимо и к новому варианту сокольничьего чина как примеру светского (придворного) церемониала, призванного в конечном итоге возвеличить царственную особу и показать его исключительную роль в земном мироустройстве.

Определенная торжественность и сакральность, призванные подчеркнуть избранность участников церемониала, их причастность к особым сферам, имевшим более высокий смысл, чем повседневность, достигается особыми приемами. Составитель чина подробен в описании костюмов участников церемонии² (его отдельных деталей), причем как сокольников, так и самих птиц, предметов, используемых в церемониале, в описании жестов участников действия, динамики происходящего и др. Символическое значение всех этих элементов неоднократно уже было показано в исследованиях, посвященных изучению текста церемониала. Общий вывод, который здесь можно сделать, сводится к тому, что перед нами особый текст, призванный на примере только одного события из жизни монарха придать земной его жизни священные и торжественные формы. И в этом стремлении нельзя не увидеть желание составителя чина следовать византийским традициям в осмыслении и понимании фигуры царя. Именно эту черту русской культуры эпохи Алексея Михайловича в свое время отметил Б.А. Успенский. «Начальные моменты культурной реформы Алексея Михайловича определяются византизацией русской культуры. Заимствуемые формы вырываются при этом из своего контекста, в котором они существовали вместе с их исторически сложившейся интерпретацией. Попадая в иной культурный контекст, они получают новую жизнь, которая может быть лишь опосредованно связана с их предшествующим существованием. Новые знаки могут при этом порождать новое содержание; оторвавшись от своего традиционного смысла, они получают генерирующую функцию» [Успенский (I), 1996, с. 228].

¹ Это суждение уже было высказано П. Бессоновым в примечаниях к изданию «Урядника» 1856 г. «Царь, конечно, не сочинял всех этих обычаев: они выбраны, дополнены, благоустроены, а главное, приняли известную, определенную, чиновную службу, государственную форму, вошедши в разряд своего рода правительственных распоряжений. Потому нужно бы в Уряднике различить две части: 1. основу народного обычая при известных случаях охоты и 2. форму, которую они приняли в Уряднике. ... При всем том мы можем отличить некоторые действия и обряды, исходившие, конечно, из народных преданий и существовавшие до Урядника, в него только внесенные» [Бессонов, 1856, с. 134–135].

² «Внимание к одежде в пьесах 1670-х годов подсажено... русским придворным обиходом. Хорошая, ценная одежда – важный признак гармоничного мироустройства» [Первые пьесы..., 1972, с. 34].

В своем стремлении в художественной форме представить мир идеала, гармонии автор «Урядника» руководствуется средневековой концепцией мироздания. Отличительными ее признаками является строгая система иерархических корпоративных отношений. Общее стремление автора изобразить охотничий ритуал, обряд «по образцу и чину» прослеживается в каждой статье «Урядника». Пирамидальность, иерархичность позволяют автору «охватить мир в целом, понять его как некоторое законченное всеединство» [Бицилли, 1995, с. 12]. При всей своей новизне «Урядник» еще прочно связан со средневековой традицией, и прежде всего в осмыслении и художественном изображении мира.

Автором четко определяются обязанности каждого участника церемонии в зависимости от того, какое место он занимает в общей системе взаимоотношений. П.М. Бицилли, характеризуя западноевропейское средневековое общество, отмечал следующее: «Все общество состоит из лестнично расположенных “чинов”, из которых за каждым признается своя “честь”, своя социальная функция» [Бицилли, 1995, с. 57]. Подобное положение вещей наблюдается в проводимом церемониале: «Л. 46. Готовь идти // л. 46 об. къ государской милости; и не по моей мере такая его государская премногая милость ко мне убогому, холопу его государеву», «л. 67. и велели тебя писать полнымь именемь».

Называние полного имени героя не случайно. Этим показываются его новый статус, более высокие права и обязанности. Одновременно имя, по законам эстетики Средневековья, должно было нести нравственно-эстетический оттенок, что и выражено в обращении царя к сокольникам: «Премудрые, добродородные и доброхвальные охотники».

Особенно ярко заметна иерархичность в сцене пира при дворе Алексея Михайловича. Пир также представлен как сложный ритуал, «чин», проходящий по определенному уставу¹. В финальном пиршестве, включая и «пир» для птиц, происходит своего рода возврат к исходной ситуации, оговоренной во вступительной части, где представлены размышления автора о красоте: «Л. 90 об. Царь и великий князь... велель вамь быти у стола, и веселитися и утешатися съ новопожалованнымь по чину. // Л. 99 об. Начальные, время веселіемь и утешеніемь птицъ обвеселити насыщеніемь живым». Но само веселие не менее символично, чем призыв к нему. Именно всеобщее веселие, радость и есть выражение гармонии бытия, символ здоровых начал жизни, способных проявить себя как в служении царю, так и в трапезе. «Л. 107–107 об. А вась начальныхъ сокольниковъ, за ваше доброе послушаніе, во устроеніе и во уряженіе и во украшеніе // звать къ государской милости ко столу».

Таким образом, «Урядник» на примере всего лишь одного обряда иллюстрирует абсолютность, незыблемость существующего порядка вещей, вершиной которого в земном пространстве является «великий государь». Благодаря ему мир предстает как целое, гармоничное устройство. Характерно, что именно эта идея позже получит свое развитие в пьесах 70-х годов XVII века. «Авторы изображают не столько благоденствие персонажей, пусть даже самых значительных, сколько устроенность мира в целом, гармонию мира, нарушаемую назревающим конфликтом, но непременно вновь восстанавливаемую. ...В пьесах в основе гармонии мирового порядка мыслится забота царя о подданных» [Первые пьесы..., 1972, с. 29, 31].

Литература

Белокуров С.А. Дневальные записки приказа тайных дел. М., 1908.

¹ Ср. описание встречи и обеда в честь грузинского царевича Николая Давидовича в «Дневальных записках приказа Дел» [Белокуров, 1908, с. 70–87].

- Бессонов П. Общее примечание к Уряднику // Собрание писем царя Алексея Михайловича / Сост. П. Бартенев. М., 1856.
- Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
- Бычков В.В. Эстетическое сознание Древней Руси // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII вв. М., 1996.
- Гурлянд И.Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.
- Древняя российская вифлиофика: изд. Н.И. Новикова. СПб., 1773. Ч. 1; СПб., 1788. Ч. 3. (2-е изд.).
- Записки отделения русской и славянской археологии. СПб., 1861. Т. 2.
- Лотман Ю.М. Текст и система // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
- Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
- Первые пьесы русского театра / Под ред. А.Н. Робинсона. М., 1972.
- Письма русских государей и других особ царского семейства. Письма царя Алексея Михайловича / Под ред. С.А. Белокурова. М., 1896. Т. V.
- Поньрко Н.В. Русские святки XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1977. Т. 32: Текстология и поэтика русской литературы XI – XVII вв.
- Робинсон А.Н. Появление театра и драматургии в России в XVII в. // Первые пьесы русского театра / Под ред. А.Н. Робинсона. М., 1972.
- Ромодановская Е.К. Литературные предисловия к документам в Древней Руси // Документальные аспекты литературы: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 2011.
- Сборник Муханова. СПб., 1866.
- Собрание писем царя Алексея Михайловича / Сост. П. Бартенев. М., 1856.
- Успенский Б.А. Новые представления о царе в связи с внешними культурными влияниями: реконструкция византийского образца и усвоение барочной культуры // Успенский Б.А. Избранные труды: В 3 т. М., 1996. Т. 1.
- Успенский Б.А. (I) Сакрализация монарха в контексте историко-культурного развития. Новые представления о царе в связи с внешними культурными влияниями: реконструкция византийского образца и усвоение барочной культуры // Успенский Б.А. Избранные труды: В 3 т. М., 1996. Т. 1.
- Черная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1996.